

ввели в литературу, применив поэтику "мира наизнанку" в качестве одного из основных художественных методов преобразования действительности.

Литература

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1990.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1963.
3. Савушкина Н.И. Русский народный театр. – М., 1976. – С. 39.
4. Успенский Б.А. "Заветные сказки" А.Н.Афанасьева // Успенский Б.А. Избранные труды. – В 2-х тт. – Т. 2. – М., 1994. – С. 133-134.
5. Ардианова-Перетц В.П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. – М.-Л., 1937. – С. 58.
6. Шейн П.В. Еще о пародии в народных песнях // Этнографическое обозрение. – 1895. – № 2.
7. Колпакова Н.П. Русская народная бытовая песня. – М.-Л., 1962. – С. 109-111.
8. Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни. – М., 1989. – С. 245.
9. Ардианова-Перетц В.П. Примечания // Мнимая поэзия: Материалы по истории поэтической пародии XVIII и XIX вв. / Под ред. Ю.Н.Тынянова. – М.-Л., 1931.
10. Шейн П.В. Народная пародия на историческую песню // Этнографическое обозрение. – 1894. – № 1. – С. 130.
11. Мнимая поэзия: Материалы по истории поэтической пародии XVIII и XIX вв. – С. 18.
12. Путилов Б.Н. Пародирование как тип эпических трансформаций // Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. – СПб., 1994.
13. Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. – СПб., 2000.
14. Серман И.З. Русский классицизм: Поэзия, драма, сатира. – Л., 1973.
15. В науке высказывалось мнение, что "Соловей Будимирович" и "Агафонушка" "создавались в среде одного и того же певческого коллектива и, может быть, сложены одним и тем же лицом" (Астахова А., Андреев П. Примечания // Русский фольклор. Эпическая поэзия. – М., 1935. – С. 410-411).
16. Путилов Б.Н. Пародирование как тип эпической трансформации // От мифа к литературе: Сборник в честь семидесятилетия Елеазара Моисеевича Мелетинского. – М., 1993.
17. Дмитриев Л.А. "Сказка о некоем молодце, коне и сабле" // Труды Отдела древнерусской литературы. – Т. XXXVIII. – Л., 1983.
18. Лихачев Д.С. Смех как мировоззрение // Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. – СПб., 1997. – С. 346, 348.

Н.Л. Вершинина

ДЕРЖАВИНСКИЙ "КОМПОНЕНТ" В ПОЭТИКЕ "ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА": К ПРОБЛЕМЕ ЛИРО-ЭПИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ

В суждениях критики, в разное время коснувшихся проблемы "Пушкин - Державин", прослеживается примечательная тенденция: сопоставление явно выходит за пределы собственно поэтики - оно приподымает вопрос до уровней, когда при всех (уже и Пушкиным осознанных) различиях между поэтами улавливается некая глубинная эквивалентность. *Эквивалентны* даже не конкретные тексты (хотя исследователь и называет "Жизнь Званскую" Державина и пушкинскую "Осень" "звеньями одной цепи" [1, с. 123]), а типы мироощущения, представленные далеко не равнозначными художественными средствами.

Имея частный характер, такие соответствия восходят к общим началам, формируясь как бы помимо жанровых границ. Исходя из родовой общности (а не жанровых отношений), Ю.Н.

Чумаков мог с полным основанием увидеть аналог "Жизни Званской" не только в "Осени" Пушкина, но и в романе в стихах: "Державин пишет:

Возможно ли сравнивать что с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке? -

Таких слов у Пушкине нет, но такое настроение наполняет всю "Осень", ибо только внутренняя свобода, нескованность обеспечивают истинное творчество. Впрочем, и слова бывали, но в другом произведении:

Уединенье, тишина:
Вот жизнь Онегина святая..." [2,с.30]

Г.П. Макогоненко, в свою очередь, убеждён, что "описание одного дня для жизни Онегина с утра и до глубокой ночи непосредственно связано с первым в поэзии описанием одного дня жизни поэта в "Жизни Званской"[1,с.120]. Данная мысль становится своего рода "общим местом": "Державин создал жанровые образования, предваряющие "пёстрые главы" пушкинского "Евгения Онегина"... " [3,с.419].

Получается, что в свободном соотношении находятся мир авторского "я" - в поэзии Державина и бытие литературного, вымышленного Пушкиным героя и шире, весь сотворённый поэтом романский универсум: "собрание пёстрых глав". Эквивалентными оказываются область лирических переживаний и роман как "опозитивированная история" (Н.И. Надеждин), "я" и не "я" Онтологическое сродство становится возможным постольку, "поскольку там и там говорится о человеке и мире, о времени и пространстве"[2,с.30].

Анализируя данное наблюдение, прежде всего, следует попытаться определить границы "я" и не "я" (условно говоря, лирики и эпоса) применительно к поэзии Державина. Заслуживает внимания суждение С.С. Аверинцева о том, что "его положение между эпохами даёт ему одновременно свободу от риторики, которой не было у его предшественников, и свободу пользоваться риторической техникой самого традиционного образца, которой уже не будет у его наследников"[4,с.135]. Можно предположить, что "свобода от риторики" выразилась, в первую очередь, в той пронзающей лирической эмоции, которую сам поэт традиционно именовал "вдохновением": "Поэт... схватывает лиру и поёт, что ему велит сердце". В "Рассуждении о лирической поэзии или об оде" Державин доказывал нерегламентированность "вдохновения" внеположенными ему риторическими правилами: "В прямом вдохновении нет ни связи, ни холодного разсуждения...". Вместе с тем, он здесь же и противоречил себе, подводя под "вдохновение" начала риторической рефлексии: "...в превосходных лириках всякое слово есть мысль", а "всякая мысль картина". Только пройдя по цепочке сквозь "мысль" и рождённую ею "картину", чувство достигает "выражения", которое при этом подлежит классификации: "то высокое, то пламенное, то сильное, то особую краску и приятность в себе имеющее".

Два начала, которые совместились в "первостепенной, священной Оде" - "первом глазе" человека, "восхищённого чудесами мироздания", - по убеждению Державина, уже открыли во "вселенной" общее и единственное в своём роде, вечное и сиюминутное. Высший смысл творения постигается через упорядочение чувства мыслью, "вдохновения" - "наукой". Но одновременно есть и высший смысл прозрения - потрясающего, мгновенного проникновения в суть вещей, то, что поэт определил как "прикосновение случая к страсти..." [5].

Известно, что само оксюморонное *стяжение* личного и внеличного в одной системе мироотношения являлось характеризующим эпоху, когда творил Державин. "...нельзя не сказать о том, - пишет Т.Е. Автухович, - что особенностью XVIII в. было неравноправное сосуществование двух тенденций: внимание к эмпирике жизни, своеобразный натурализм изображения... дополняли тенденцию к универсальному мышлению, представленную риторической культурой... Особенностью литературного процесса второй половины XVIII в. является на-

чавшееся взаимодействие "телескопического" и "микроскопического" зрения..." [6,с.87-88].

"Объяснения на сочинения Державина...", составленные автором в качестве риторического комментария к художественному образу, явно свидетельствовали о том, что лирическая эмоция и её рациональное классифицирование мыслились как начала взаимодополняющие, как необходимое рассудочно-чувственное равновесие, реализуемое, соответственно, творческим путём [7,с.135].

Если взглянуть в структуру "Евгения Онегина", можно заметить, что её важнейшей особенностью является типологически сходное взаимодействие метатекста и текста как такового. В понятие "метатекста" Ю.М. Лотман включает представление об искусстве, которое творится на глазах читателя и при его участии, при этом неуклонно взаимодействуя со сферой "обыкновенной жизни". Литературная реальность призвана раскрыть идеальную проекцию быта, возвысить его "жизненность": "Жизнь, становясь искусством, как бы повышается в ранге, делается более истинной, более насыщенной жизнью" [8,с.453]. Тот же быт осознаётся как прошедший апробацию духовным опытом человечества (в частности, через поэтов-предшественников), закрепившийся в универсальных формулах, "общих местах", которые несут в себе непреходящий смысл бытия. Онтологические константы воспринимаются как стимулирующие эстетическое воздействие и, вместе с тем, как неотъемлемые от жизни в её естественной сути. В ряд таких констант входит и державинский топос: будучи преломлен в своём природном двуединстве, в двуобращённости к общему и частному, он оборачивается метатекстовой структурой и в этом качестве входит в мир "Онегина", в реальное (сотворённое автором) бытие его героев и в лирический образ мироздания, сопряжённый с личностью Автора.

И.З. Серман справедливо обратил внимание на роль анафоры в поэзии Державина - принцип организации текста, который из "композиционного" (у Ломоносова) превратился в "стилистический" [9,с.83-88]. То, что анафора структурирует эмпирию жизни, словно накладывая на неё "скрепы", соединяющие самые разные пласты (подобно делению на строфы, которое представлено в "Онегине"), могло быть усвоено Пушкиным и при посредстве Державина - однако попутно и "переусвоено" в качестве субъективно-индивидуального способа преломления действительности.

Анафора: "В те дни..." (ода "На Счастье", 1789), воспроизводящаяся, по наблюдению И.З. Сермана, в десяти строфах: "В те дни людского просвещения...", "В те дни, как всюду скороходом...", "В те дни, как Вену ободряешь..." и т.д., вплоть до заключающей перечень строфы: "В те дни и времена чудесны..." (1,245-251) - воспринималась Пушкиным как реализовавшаяся эстетическая, а значит, и жизненная данность. Именно в силу этого она органично входит в кругозор авторского лирического "я" в "Евгении Онегине": "В те дни, когда в садах Лицея..." и внутри строфы: "В те дни, в таинственных долинах..." [10]. Усилению анафоры в стихотворении Державина служебным словом "как" у Пушкина соответствует повторяющееся "когда". В черновых редакциях: "Когда ленился и проказил...", "Когда тре <во> жить начинала...", "Когда та <инственная> даль...", "Когда влюблялся я впервые..." и т.д. (507). Чтобы явиться в виде лирического мотива, державинская панорамность должна была захватить некую внутреннюю бытийственную сторону и, закрепившись поэтической формулой, сделаться компонентом реальности, расширив её психологический диапазон.

Сопоставление показывает, как происходит преобразование декларативности Державина в неоднозначность художественной реальности "свободного романа", где обнаруживают себя "психологический, философский оттенок в поведении, в размышлениях героя, в авторской оценке событий" [11,с.38-39]. В отмеченной Пушкиным оде "На возвращение графа Зубова из Персии" (1797): "Цель нашей жизни - цель к покою" (II,28), - Державин постигает надиндивидуальную истину через риторический диалог с собой, где предполагаемые вопросы должны усилить значение заранее известного:

Кого же разум почитает
Из всех, идущих сим путём,
По самой истине счастливым?
Не тех ли, что, челом к звездам
Превозносясь горделивым,
Мечтают быть равны богам;
Что в пурпуре и на престоле
Превыше смертных восседят?
Иль тех, кто в хижине, в юдоле
Смирненно на соломе спят? (II,30)

Рассмотренные варианты необходимы, чтобы, отвергнув их, прийти к заключению, что контрасты "страхов злых" и "приятных грёз" не в состоянии составить "счастья" - его даёт лишь "средняя стезя":

Но тот блажен, кто не боится
Фортуны потерять своей,
За ней на высоту не мчится,
Идёт среднюю стезей
И след во всяком состоянии
Цветами усыпает свой. (II,31) [12]

Иную функцию выполняет аналогичная структура во второй главе "Онегина" (строфа XVII), где тема путей, ведущих к счастью, обретает лирический драматизм и даётся на стыке сложных сюжетных и психологических интенций, исходящих от Онегина, Ленского и Автора:

Но чаще занимали страсти
Умы пустынноиков моих.
Ушед от их мятежной власти,
Онегин говорил об них
С невольным вздохом сожаленья:
Блажен, кто ведал их волненья
И наконец от них отстал,
Блаженней тот, кто их не знал,
Кто охлаждал любовь - разлукой,
Вражду - злословием; порой
Зевал с друзьями и с женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дедов верный капитал
Коварной двойке не вверял. (38-39)

Обозначенная "средняя стезя" в этом случае характеризует тех, о ком поэт сказал с грустной иронией: "Смирненные не без труда...". В черновиках непредусмотренная (с позиций философии "умеренности") реакция Онегина на изливания "страстей чужих" была выражена сильнее:

Какие страсти ни кипели
В его измученной груди
Давно ль на долго ль присмирели
Они проснутся - подожди -

От себя Автор шуточно добавлял к "разумно" расчисленным путям путь "губительной страсти" - "*страсти к банку*" (280-281), который иронически оттенял бытийную державинскую иерархию и в то же время придавал ей "новое измерение" (В.В. Набоков).

Пушкин вновь вернулся к данной иерархии в восьмой главе романа (строфы X-XII) для того, чтобы включить её в интимное авторское переживание, в котором медитация по-державински переходит в сатиру. Однако державинский приговор "слабым смертным" обрёл у Пушкина социально-типические контуры, значимость которых, по наблюдению Ю.В. Стенника, выявилась в дальнейшем процессе развития литературы, вплоть до "Смерти Ивана Ильича" Л.Н. Толстого:

Блажен, кто с молоду был молод,
Блажен, кто во-время созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел;
Кто странным сном не предавался,
Кто черни светской не чуждался... [13,с.195-196]
(169)

Сравним у Державина:
Ах нет! Не те и не другие
Любимцы прямо суть небес,
Которых мучают страхи злые,
Прельщают сны приятных грез... (1,31)

В конечном счёте Автор по-своему приходит к державинской мысли о счастье как свершившемся "покое", порядке вещей. Только теперь эта нравственная идея, пережив социальную и философскую эволюцию, прилагается к индивидуальной судьбе, становится мерой счастья Онегина. Характер страданий героя, предпринявшего "странствия без цели", обнаруживается яснее на фоне той внеличностной морали, которую Державин предлагал как должное и в то же время как желаемое. В персонифицированном виде она позднее переадресуется Онегину. У Державина:

Как страннику в пути встречаться
Со многим должно и идти
И на горах и под горами,
Роскошничать и глад терпеть, -
Бывает так со всеми нами;
Премены рока долг наш зреть.
Но кто был мужествен душою,
Шёл равнодушной сим путём,
Тот ближе был к тому покою,
К которому мы все идём. (II, 37)

У Пушкина:
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел... (169)

Наблюдается и такая характерная закономерность: одическое "я" Державина более отвлечённо и универсально, чем его же "мы" - очевидно, не только проявление самозащиты следует

усматривать в известном замечании: "...обыкновенные людские слабости в оде Фелице оборотил я собственно на меня самого" (V,377)[14]. Эпической масштабности авторского "я" противостоит более частная и локальная позиция, выраженная скромным "мы". Поэтому риторическая декларация:

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь. -
сменяется тоном задушевной беседы:
Не ходим света мы путями,
Бежим разврата за мечтами... (I,149)

У Пушкина же, скорее, наблюдается обратное явление: "мы" определённое тяготеет к риторическому обобщению - "я" же воспринимается в слиянии с неповторимым "я" поэта. "Мы" постоянно сопутствует не столько Автору, сколько героям, предполагая дедуктивное скольжение от общего к частному:

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитанием, слава богу,
У нас немудрено блеснуть.
Онегин был по мненью многих... (7)

Или:
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих сварей миллионы
Для нас орудие одно,
Нам чувство дико и смешно.
Сноснее многих был Евгений... (37)

Или:
Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей,
И тем её вернее губим
Средь обольстительных сетей...
.....
Так точно думал мой Евгений... (75-76)

Выражение "мой Евгений" вновь - самой тональностью - сближает автора с героем романа, устанавливает между ними не только эпическое, но и лирическое соответствие.

Таким образом, система соответствий, выстроенная Пушкиным с учётом державинского универсума, отличалась оригинальностью в том смысле, что снимала риторiku именно тем, что сохраняла в первозданности знакомую образность и "общие места". Державинское начало составило "компонент" той идеальной содержательности, которую Пушкин создал для соизмерения с действительностью; при этом оно не потеряло ни концептуальности изображения, ни "индивидуальной выразительности" (Г.А. Гуковский), явившихся одинаково ценными для Пушкина-поэта.

Литература

1. Макогоненко Г.П. Пушкин и Державин // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII - начала XIX века. - Л., 1969.
2. Чумаков Ю.Н. "Осень" Пушкина в аспекте структуры и жанра // Пушкинский сборник. Учёные записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. - Т.483. - Псков, 1972.
3. Чердниченко М.В. Державин // А.С. Пушкин. Школьный энциклопедический словарь / Под ред. В.И. Коровина. - М., 1999.
4. Аверинцев С.С. Поэты. - М., 1996.
5. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Изд-е Императорской академии наук. Т.VII. СПб., 1872. С.517-523. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы в круглых скобках.
6. Автухович Т.Е. Риторика и русский роман XVIII в.: Взаимодействие в начальный период формирования жанра. Учебное пособие по спецкурсу. - Гродно, 1996.
7. В связи с проблемой "жизни и смерти" в поэзии Державина о "равновесии" пишет новейший исследователь: "Ни открытое радостное приятие мира, ни аскетическое отречение от него, а нечто третье, уравнивающее эти крайности..." (Николаев Н.И. Внутренний мир человека в русском литературном сознании XVIII века. - Архангельск, 1997).
8. Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки. 1960-1990. "Евгений Онегин" Комментарий. - СПб., 1995.
9. Серман И.З. Русский классицизм: Поэзия. Драма, Сатира. - Л., 1973.
10. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. - М.:Л., 1937-1949. Т. VI. С 165. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы в круглых скобках.
11. Краснов Г.В. "Я занялся воспоминаньем..." // Краснов Г.В. Болдино. Пушкинские сюжеты. - Нижний Новгород, 2004.
12. Я.К. Грот отмечает, как аналог "средней стези", "златую посредственность", воспетую Горацием. Вместе с тем, он указывает на универсальный характер горацианских мотивов в поэзии XVIII века (Ш,31; 491).
13. По поводу этих строк Ю.В. Стенник замечает: "Ироничность стихов помогает уловить несоотнесимость провозглашаемого идеала пошлости с внутренним миром автора, и последующая исполненная грусти строфа снимает ощущение иронии. Но существенно, что сама форма воплощения поэтической мысли, заключённой в этом авторском отступлении, была фактически задана стихами Державина:
Блажен, воспел я, кто доволен
В сем свете жребием своим..."
(Стенник Ю.В. Пушкин и русская литература XVIII века.- СПб., 1995).
14. Сравним в письме Г.Р. Державина О.П. Козодавлеву (май, 1783): "Я добродетели царевны противоположил моим глупостям" (V,369).

Н.В. ЦВЕТКОВА

ДНЕВНИК С.П. ШЕВЫРЕВА И КРИТИКА ЖУРНАЛА "МОСКОВСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ" (1835-1837)

Дневник, который Шевырев вел, находясь в Италии и Швейцарии в 1829-1832 годах, издан в полном тексте лишь в 2006 году [15]. Он поражает разносторонностью интересов писателя, крупномасштабностью идей и планов, глубиной мысли. Главными предметами размышлений Шевырева стали историческая судьба России и планы российского просвещения и воспитания, судьбы национальной литературы, эстетики и критики. Выступая в дневнике идеологом и философом, создателем программы общественного развития России, он особую роль в ней отводит национальному просвещению и воспитанию, в котором не последнее место принадлежит эстетической стороне жизни народа, напрямую, как он считает, связанной с его свободой.

В Италии Шевырева больше всего поражает эстетическая сторона жизни, которая свойственна даже простому народу. Он погружается здесь в изучение исторических, архитектур-